

Кавказская старина

Очерк седьмой

Николай Николаевич Муравьев во время его наместничества на Кавказе

Генерал Н. Н. Муравьев

После начала Крымской войны Н. Н. Муравьев был назначен наместником Кавказа и командиром Кавказского отдельного корпуса. По мнению окружающих его людей, Николай Николаевич обладал определенным военным талантом. Он принимал участие в сражениях под Бородино, Тарутино, Вязьмой,

Лютценом, Бауценом, Кульмом и Лейпцигом. Неоднократно награждался боевыми орденами и медалями. Его предыдущая служба на Кавказе, участие в последней войне с Персией, а затем и с Турцией не оставляли сомнений в его пригодности на должность наместника. Помимо этого, он пользовался репутацией хорошего командира и знатока Востока. Назначение Муравьева последовало 29 ноября 1854 года.

В начале января 1855 года он был уже на территории вверенного ему края. Муравьев ознакомился с положением дел, а затем посетил крепости Внезапную и Грозную, знакомые ему с поры первого служения. Находясь в пределах Кавказской линии, он адресовал А. П. Ермолову письмо, изобличающее действующие порядки в армии, но впоследствии признанное им самым нетактичным. Это письмо огорчило Ермолова, а все военное сословие на Кавказе глубоко оскорбилось и выразило громкий протест. На последовавший ответ возражений со стороны Муравьева не последовало.

В Тифлис Муравьев приехал 1 марта. Его приезд сопровождался народными волнениями, поскольку его связывали с известием о кончине императора Николая I, печальным вестником коего явился сам Муравьев, узнавший о том от фельдъегеря незадолго до въезда в Тифлис. А. П. Берже упоминает об одном интересном обстоятельстве, связанном с приездом наместника:

«Князь Михаил Семенович, как известно, не был, взыскателен относительно парадной формы; гражданские мундиры, особенно низших классов, были у нас в его время большой редкостью. Накануне же приезда Муравьева вопрос этот сделался чуть ли не жизненным вопросом. Чиновники всех рангов и степеней, как угорелые, бросились во все стороны: кто приобретал мундир у портных-торгашей, кто нарочно

его заказывал; третьи, наконец, обеспечивались на этот счет обещанием знакомого, так как чиновники разных учреждений представлялись не вдруг. При этом, в обуювшей всех суматохе, не принималось в соображение, приходился ли мундир по росту и какой должности или ведомству он был пристроен. Ввиду всего этого, картина вышла не без комизма. Но вот в приемную вошел Муравьев. После обыкновенного приветствия, он упомянул о прекрасной репутации, какой пользовалась канцелярия в России, и тех лестных отзывах, которые ему приходилось слышать о ней от генерала Закревского, в проезде через Москву. Затем он стал знакомится с каждым порознь, причем к некоторым отнесся не совсем благосклонно. Так, например, графа В. А. Соллогуба он спросил:

– Вы автор «Тарантаса»? – и, получив утвердительный ответ, продолжал: – Ну, так можете сесть в свой тарантас и уехать.

Однако вскоре, на первом приеме, он произвел приятное впечатление своими остроумными разговорами и замечаниями. Вступив в командование корпусом, Николай Николаевич отдал приказ, в котором самым лестным образом отзывался о войсках, на подвиги коих «более полвека с гордостью и изумлением Россия внимает», и призывал их стать полными «рвения и готовности за святое дело» в наступившую для России череду испытаний.

В начале июня 1855 года русская армия в рамках Крымской компании двинулась к Карсу. В составе отряда для действий против крепости было всего 21200 единиц пехоты, а артиллерийский парк состоял из 88 орудий. Гарнизон Карса состоял, по разным оценкам, от 19 до 33 тысяч человек под командованием Вассифа-паши.

На военном совете всех генералов русского отряда было принято решение начать систематическую осаду подступов и полностью перекрыть пути сообщения с Эрзерумом. Периметр осады составлял почти 50 верст. Уже в самом начале осады казачий полк генерала Бакланова разгромил сильный отряд турецких фуражиров. Но к концу месяца из Эрзерума было отправлено подкрепление карсскому гарнизону под командованием Али-паши, общим числом 2500 единиц конницы и несколько сотен пехоты. Муравьев оперативно выслал навстречу туркам отряд генерала Ковалевского в составе 7 батальонов пехоты, 1800 единиц кавалерии и 20 орудий. 31 августа у селения Пеняк столкновение войск Ковалевского и Али-паши привело к тому, что турки потерпели поражение, сам паша попал в плен. Однако Муравьев брать Карс не решился. От взятия крепости штурмом его удерживала возможность больших потерь. Для осады не хватало вооружения. В итоге Муравьев решил блокировать Карс. 12 июня русские войска перешли к селению Каны-Кев в 4 верстах от Эрзерумской дороги.

Но несмотря на блокаду Карса, турки не только снабжали крепость продовольствием и боеприпасами, но параллельно перебрасывали туда подкрепление. Численность гарнизона Карса была доведена до 26 тыс. человек. На строительстве его укреплений турки под надзором англичан трудились день и ночь.

В сентябре между Баклановым и Муравьевым начались разногласия. Последний был настроен начинать штурм крепости, а Бакланов был категорически против, утверждая что разведка крепостных укреплений проведена неудовлетворительно, что в имеющихся картах есть многочисленные ошибки и неточности. Однако наместника переубедить не удалось. Штурм планировалось провести 17 сентября. Накануне выяснилось, что турки уже оповещены о предстоящем нападении и готовы отразить штурм. Бакланов сделал последнюю попытку переубедить Муравьева, но тот был непреклонен.

Сильнейший артиллерийский огонь ударил по штурмующим колоннам, но тем не менее генералам Базину и Бакланову удалось один за другим взять три редута, им оставалось взять лишь форт Вели-Табия. Оба генерала тщетно просили у Муравьева подкрепления, но тот был вынужден бросить весь резерв на выручку колонны генерала Майделя, гибнущей под фортом Шорах. У Чахмахских укреплений, тем временем, огромные потери понесла колонна генерала Ковалевского, сам он был убит. Муравьев был вынужден скомандовать общее отступление. По официальным данным потери

убитыми и ранеными среди русских войск составили: 4 генерала (1 убит), 250 офицеров (74 убито) и более 7000 нижних чинов (убито около 2300 человек). Потери обороняющихся исчисляются в 1400 человек убитыми и ранеными.

На следующий день после неудачного штурма на военном совете было принято предложение Бакланова брать Карс измором. Несмотря на крайне уязвленное самолюбие, Муравьев согласился с Баклановым. Из армянских, грузинских и азербайджанских добровольцев был организован большой партизанский отряд под командованием М. Т. Лорис-Меликова, действующий на дальних коммуникациях турок и пресекающий попытки доставить продовольствие осажденным. В крепости начался голод, жители разбежались по окрестностям, началось дезертирство. Русские войска не препятствовали выходу из крепости безоружных, но пресекали любые попытки возвращения. Уже 16 ноября 1855 года карсский командующий Вассиф-паша и его гарнизон капитулировали и сдали крепость. За эту победу Николай Николаевич Муравьев был награжден орденом Святого Георгия 2-й степени и удостоен почетной приставки «Карсский» к фамилии.

Уже в следующем году (22 июля 1856 года) Муравьев был уволен от занимаемой должности с назначением членом Государственного совета. Короткое наместничество Николая Николаевича практически не оставило заметных следов в истории гражданского управления Кавказом, т. к.

ни одного закона или значительного преобразования за время его наместничества проведено не было. Это объясняется и тем, что отвлеченный военными действиями, Муравьев провел в Тифлисе всего полгода. Неблагодарно отнесся к нему и Александр II. Неосторожное распоряжение, сделанное им в покоренной Чечне, доставившее, по замечанию императора, «истинное удовольствие Шамиллю», вынудило к увольнению Муравьева от должности. Муравьев покинул Тифлис и направился на север, через Ставрополь. В то же время, вниз по Волге, окруженный свитой, плыл его переемник – Александр Иванович Бяратинский

